

ПУШКИНЪ

И

Царское Село.

И. АННЕНСКАГО.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія БРАТЬЕВЪ ШУМАХЕРЪ, Вас. Остр., Тучковъ пер. № 1.
1899.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 18 Августа 1899 года.

Пушкинъ и Царское Село.

Р ъ ч ъ ,

произнесенная директоромъ ИМПЕРАТОРСКОЙ
Николаевской гимназiи **И. О. Анненскимъ**
27 Мая 1899 года на Пушкинскомъ праздникѣ
въ ИМПЕРАТОРСКОМЪ Китайскомъ театрѣ,
въ Царскомъ Селѣ.

Пушкинъ и Царское Село.

I.

Сто лѣтъ тому назадъ въ Москвѣ, на Нѣмецкой улицѣ родился человѣкъ, которому суждено было прославить свою родину и стать ея славой.

Богъ далъ ему горячее и смѣлое сердце и дивный даръ мелодіей словъ сладко волновать сердца. Жребій судилъ ему короткую и тревожную жизнь и рядъ страданій. Самъ онъ оставилъ міру трудъ, цѣнность котораго неизмѣрима. Этого человѣка звали Александръ Сергѣевичъ Пушкинъ.

Вчера и сегодня это имя у всѣхъ на устахъ. Въ церквахъ молятся объ упокоеніи души раба Божія Александра, и нѣтъ, я думаю, того русскаго ученика, который, умѣя пѣть панихидныя молитвы, не захотѣлъ бы примкнуть къ хору молящихся за любимаго поэта.

Не только урочища Пушкинской славы, какъ Москва, Петербургъ, Михайловское и Царское Село

чествуютъ Пушкина и вспоминаютъ о своей прикосновенности къ его жизни и творчеству. Даже случайныя пристанища поэта, — а куда не бросала его судьба отъ Виноградской долины до Арскаго поля, и отъ Невы до Арпачая? — даже такіе города, гдѣ онъ провелъ два — три дня въ жизни, и тѣ, къ юбилею собрали между старожилонъ клочки ихъ старческихъ воспоминаній о дорогомъ гостѣ: его обиталища разысканы и отмѣтились надписями, и нѣкоторыя изъ нихъ, вѣрно, станутъ съ этого дня читальнями, школами, богадѣльнями. Всякая черта не только въ судьбѣ поэта или исторіи его рода, но даже въ біографіи его друзей получаетъ для насъ теперь какую-то новую цѣнность, и мы жадно роемся въ пыли всевозможныхъ архивовъ — и консисторскихъ и военносудныхъ, чтобы добыть данныя для освѣщенія образа поэта, его творчества и судьбы.

Сооружаются новые памятники: у насъ, въ Одессѣ, въ Петербургѣ. Не забыть и завѣщанный имъ *нерукотворный*, — его сочиненія, и надо надѣяться, что наша Академія, издавъ ихъ проверенный текстъ, разъ навсегда положитъ предѣлъ наивнымъ ошибкамъ и дерзкимъ поправкамъ его издателей.

Пора вспомнить, какихъ часто мучительныхъ усилій, еще съ лицейской скамьи стоили Пушкину точность его выраженій и музыкальность стиховъ. Можетъ быть, и въ народныхъ аудиторіяхъ подлинный Пушкинъ мало по малу замѣнитъ рассказаннаго.

А кто исчислить эти рѣчи, гимны, увѣнчанные бюсты поэта, цвѣты, которыми они будутъ засыпаны, и строчки Пушкинскихъ стиховъ, которыя сегодня слетятъ съ устъ? Тѣни поэта вовсе не нужно наивной дани нашихъ восторговъ, и мы это знаемъ; но она нужна намъ самимъ, какъ залогъ свѣтлыхъ и долгихъ воспоминаній объ историческихъ дняхъ Пушкинскаго юбилея. Справедливость требуетъ отмѣтить также, что родина поминаетъ Пушкина не одними цвѣтами и пѣснями: сколько стипендій, школъ, читалень и больницъ наречется отнынѣ во имя того, кто лирой пробуждалъ въ насъ добрыя чувства!

Но чей же праздникъ сегодня? Кто идетъ на Пушкинскія торжества, кто ихъ устраиваетъ? Празднуютъ хранилища и разсадники русскаго просвѣщенія, — всѣ отъ Академіи Наукъ до самой скромной школы. Еще бы имъ не праздновать? вѣдь всѣ тайны нашего языка и народности и драгоцѣннѣйшій залогъ ихъ безконечнаго развитія, они тамъ, въ Пушкинскихъ твореніяхъ: тамъ и уроки, и образцы, и школьный трудъ, и школьный отдыхъ.

Празднуютъ и писатели: Пушкинъ не только далъ имъ совершеннѣйшія изъ твореній русскаго слова и доказалъ, что бессмертіе можетъ быть удѣломъ и русскаго генія; онъ не только отлилъ для нихъ новыя формы творчества, ставшія міровыми подъ перомъ его преемниковъ, но онъ далъ имъ два новыхъ орудія небывалой дотолѣ гибкости: свой языкъ и свой стихъ. Говорить ли о томъ, что своимъ геніемъ, благородствомъ природы и высокимъ

трагизмомъ жребія онъ поднялъ самое достоинство русскихъ писателей.

Празднуютъ художники — живописцы, скульпторы, композиторы и артисты: не только поэзія и судьба, даже самыя черты Пушкина близки ихъ вдохновенію. Чтобы не называть живыхъ современниковъ, я напому вамъ только имена: Брюллова, Кипренскаго, Ге, Глинки, Даргомыжскаго, Мусоргскаго, Чайковскаго. И такъ на праздникъ идетъ школа, литература и искусство—но вѣдь для нихъ Пушкинъ блистательный патронъ, и связи ихъ съ поэтомъ, не смотря на все свое значеніе, всетаки связи профессиональныя. Есть другія узы, которыя связываютъ съ Пушкинымъ всѣхъ русскихъ безъ различія. Этимъ узамъ не суждено старѣть, и Пушкинскую поэзію можно сравнить съ его Людмилой, надъ которой безсильны чары Черномора—времени. Развѣ теперь, читая или повторяя на память его «Пророка» или «Анчара», мы чувствуемъ на плечахъ гири столѣтняго юбилея? Развѣ божественная рѣчь монологовъ «Бориса Годунова» кажется намъ созданной 75 лѣтъ тому назадъ? Развѣ самыя архаизмы Пушкина не дышатъ всею наивностью живого чувства?

Но дѣтскій *ликъ* царевича былъ ясенъ.

И свѣжъ, и тихъ, какъ будто усыпленный.

Я спрошу у васъ, развѣ вы знаете хоть одного человѣка, рожденнаго подъ русскимъ небомъ и умѣющаго читать по русски, и чтобы ни разу въ жизни и ни одна строка Пушкинской поэзіи не заставила

его сердце хоть на минуту забиться сильнѣе обыкновеннаго?

Вотъ изъ этихъ-то непосредственныхъ и живыхъ впечатлѣній Пушкинской поэзіи и слагается настоящее торжество его памяти, въ нихъ и надо искать духовнаго центра нашихъ праздниковъ.

Но кто-же *мы*, кто читатели Пушкина? Поэтъ мечталъ когда-то о «народной тропѣ» къ своему «нерукотворному памятнику» т. е. поэзіи,—и время пролагаетъ эту тропу...

На нашихъ глазахъ сбывается и вѣщее слово поэта объ широкой извѣстности его имени «въ подлунномъ мірѣ». Пушкина называютъ и читаютъ на 52 языкахъ; вотъ уже 76 лѣтъ, какъ его стали переводить, и есть міровые языки, которые насчитываютъ болѣе 250 его переводовъ и изученій, а среди обладателей переводовъ проходятъ передъ нами не только «гордый внукъ славянъ», т. е. всѣ славянскіе народы, но и финнъ, и «другъ степей калмыкъ», которыхъ пророчески называлъ поэтъ въ своей одѣ.

II.

Судьба особенно тѣсно связала имя Пушкина съ Москвой, гдѣ онъ родился, съ Петербургомъ, гдѣ жизнь его, по словамъ біографа, «завершилась событіемъ, исполненнымъ драматической силы и глубокой нравственной идеи» и, наконецъ съ Михайловскимъ, возлѣ котораго находится его могила. И совершенно справедливо, если на Пушкинскомъ

торжествѣ первыя мѣста принадлежать нашимъ столицамъ и Святымъ Горамъ. Но и у *Царскаго Села* на всероссійской тризнѣ есть свое и неотъемлемое мѣсто.

Здѣсь Пушкинъ провелъ 6^{1/2} лѣтъ; въ этихъ садахъ зацвѣталъ его дивный талантъ, наконецъ здѣсь поэтъ два раза жилъ иллюзіями счастья: сначала въ кругу лицейскихъ друзей, а потомъ въ медовый мѣсяцъ, лѣтомъ 1831 года.

Кто не помнитъ стихотвореній и отдѣльныхъ строфъ, посвященныхъ Пушкинымъ Царскому Селу — онѣ блещутъ по всѣмъ страницамъ его поэзіи, точно бѣглыя и свѣтлыя улыбки воспоминанія? Вспомните хоть эти строчки:

Въ тѣ дни, въ таинственныхъ долинахъ,
Весной, при кликахъ лебединыхъ,
Близъ водъ, сіявшихъ въ тишинѣ,
Являться муза стала мнѣ.

Пушкина привезли въ Царское Село въ 1811 году когда ему было 12 лѣтъ, и онъ прожилъ здѣсь іюнь и іюль еще до поступленія въ Лицей, который открылся только 19 октября. И вотъ черезъ четыре года въ идилліи «Городокъ» онъ вспоминаетъ свои первыя впечатлѣнія отъ Царскаго Села.

Живу я въ городкѣ,
Безвѣстностью счастливомъ:
Я нанялъ свѣтлый домъ,
Съ диваномъ, съ комелькомъ,
Три комнатки простыя —
Въ нихъ злата, бронзы нѣтъ,

И ткани выписныя
Не кроютъ ихъ паркетъ.
Окошки въ садъ веселый,
Гдѣ липы престарѣлы
Съ черемухой цвѣтуть;
Гдѣ мнѣ въ часы полдневны
Березокъ своды темны
Прохладу тѣнь даютъ,
Гдѣ ландышъ бѣлоснѣжный
Сплелся съ фіалкой нѣжной,
И быстрый ручеекъ,
Въ струяхъ неся цвѣтокъ,
Невидимый для взора
Лепечеть у забора.

Далѣе въ той-же пьесѣ поэтъ описываетъ и озеро, которое поразило его дѣтское воображеніе: тамъ

... лебедь бѣлоснѣжный,
Оставя знакъ прибрежный,
Любви и нѣги полнъ,
Съ подругою своею,
Закинувъ гордо шею,
Плыветъ во златѣ волнъ.

Вы видите, что форма стиха еще слаба; приема условна и иногда измѣняетъ; а самое подражаніе Батюшкову мѣшаетъ свободной художественной передачѣ впечатлѣній, но развѣ вы не чувствуете уже правдиваго Пушкинскаго колорита на этихъ маленькихъ уютныхъ домикахъ, Богъ вѣсть откуда журчащихъ ручейкахъ, великолѣпномъ озерѣ съ лебе-

вленномъ чтеніи Пушкина какое то волшебное обаяніе. «Въ этихъ великолѣпныхъ стихахъ было затронуто все, живое для русскаго сердца», говорить лицейскій товарищъ Пушкина, «когда Державинъ со слезами на глазахъ бросился цѣловать поэта и осѣнилъ его кудрявую голову, мы всѣ подъ какимъ-то невѣдомымъ вліяніемъ благоговѣнно молчали».

Если внимательно приглядѣться къ раннимъ одамъ Пушкина, вдуматься въ эту величавую красоту, которая когда-то плѣняла и даже трогала, а теперь кажется и условной, и холодной, то мы найдемъ въ ней не только дань геніальнаго юноши своему вѣку, воспитанію и возрасту. Кто-то говорилъ, что онъ глубже чувствуетъ красоты трагедій Расина, когда думаетъ о нихъ, стоя на верандѣ Версальскаго дворца, въ виду перспективы величавыхъ аллей и строгой гармоніи этихъ искусственныхъ группъ...

Я примѣнилъ бы эти слова къ царскосельскимъ одамъ Пушкина, да пожалуй и къ цѣлой полосѣ его творчества. Если на его лирѣ, безконечно видоизмѣняясь, никогда не смолкали.

Тѣ гимны важные, внушенные богами...
и если слова Пушкина

Служенье музъ не терпитъ суеты:
Прекрасное должно быть величаво —

истинное поэтическое признаніе, то за юношескими впечатлѣніями поэта въ Царскомъ Селѣ должна утвердиться ихъ настоящая цѣнность.

Именно здѣсь въ этихъ гармоническихъ чередованіяхъ тѣни и блеска; лазури и золота; воды, зелени и мрамора; старины и жизни; въ этомъ изящномъ сочетаніи природы съ искусствомъ, Пушкинъ еще на порогѣ юношескаго возраста могъ найти всѣ элементы той строгой красоты, которой онъ остался навсегда вѣренъ и въ очертаніяхъ образовъ, и въ естественности переходовъ, и въ изяществѣ контрастовъ (сравните ихъ хотя-бы съ прославленными Державинскими), и даже въ строгости ритмовъ (напр. въ пятистопныхъ ямбахъ «Бориса Годунова», гдѣ однообразная и величавая плавность достигается строгимъ соблюденіемъ діэрезы послѣ четвертаго слога).

Вы скажете: онъ видѣлъ послѣ Кавказъ, море, степи. Не обезцѣнивая впечатлѣній южнаго періода, я позволилъ-бы себѣ замѣтить, что Пушкинъ любовался грандіозными картинами горъ и волнъ послѣ того, какъ глазъ его воспитался на спокойно и изящно величавыхъ контурахъ Царскосельскихъ садовъ. Этого мало: въ Царскомъ Селѣ поэта окружали памятники нашего недавняго прошлаго, въ немъ еще жилъ своей грандіозной и блестящей стороной нашъ восемнадцатый вѣкъ, и Пушкинъ долженъ былъ тѣмъ живѣе чувствовать славу и обаяніе недавнихъ подвиговъ русскаго оружія, что его первые царскосельскіе годы совпали съ событіями отечественной войны. Не отсюда-ли изъ этихъ-ли садовъ, не отъ этихъ-ли памятниковъ, простыхъ и строгихъ, но много говорившихъ сердцу впечатлительнаго юноши, идутъ тѣ *величавые* обра-

зы, которые такъ безконечно разнообразны на страницахъ его поэзіи? Вотъ великій Петръ — этотъ желѣзный исполинъ, безстрашный и безповоротный; вотъ измученный совѣстью Годуновъ, уже величаво спокойный въ сознаніи неизбежнаго возмездія, вотъ величавый въ своемъ смиреніи патріархъ, вотъ раненый въ голову капитанъ Мироновъ передъ висѣлицей, вотъ идеаль, синтезъ царственнаго и женственнаго обаянія — императрица Екатерина, когда она поднимаетъ съ полу его испуганную, расплаканную и очарованную дочь. А эти грандіозныя тоскующія тѣни Наполеона, Шенье, Байрона, Овидія? Не здѣсь-ли произошло у Пушкина, и поэтическое зарожденіе еще смутнаго героическаго образа?

Еще въ «Воспоминаніяхъ въ Царскомъ Селѣ» (1815 г.) поэтъ изобразилъ два памятника: великолѣпный — Орловскій, а рядомъ

Въ тѣни густой угрюмыхъ сосенъ

Вознесся памятникъ простой —

въ честь побѣдителя при Кагулѣ, Румянцова.

Въ этомъ сочетаніи нельзя-ли видѣть перваго намека, перваго эскиза для тѣхъ грандіозныхъ образовъ, которые позже Пушкинъ облекъ однимъ чертами Кутузова, другой Барклай-де-Толли?

Не здѣсь-ли Пушкина стали волновать впервые идеи исторической правды и возмездія? Не отъ спокойныхъ ли гранитовъ Царскосельскаго сада шла мысль поэта, которая вылилась потомъ въ великодушный призывъ къ оправданію развѣнчанной тѣни Наполеона?

Да будетъ омраченъ позоромъ
Тотъ малодушный, кто въ сей день
Безумнымъ возмутить укоромъ
Его развѣнчанную тѣнь.

Не здѣсь ли Пушкинъ вообще получилъ вкусъ къ историческимъ занятіямъ, эту склонность, столь опредѣлительную для всей его литературной дѣятельности?

Оставаясь въ области лиризма, мы найдемъ, что именно въ Царскомъ Селѣ, въ этомъ паркѣ «воспоминаній», по преимуществу, въ душѣ Пушкина должна была впервые развиться наклонность къ поэтической формѣ *воспоминаній*, а Пушкинъ и позже всегда особенно любилъ этотъ душевный настрой.

Воспоминанія вырывали у него самые задушевные звуки и самыя смѣлыя признанія :

Для бѣдной легковѣрной тѣни,
Для сладкой памяти невозвратимыхъ дней,
Не нахожу ни слезъ, ни пеней.

Вспомните строчки, посвященныя Дельвигу, нянѣ, юности въ Михайловскомъ :

Ужъ десять лѣтъ ушло съ тѣхъ поръ, и много
Перемѣнилось въ жизни для меня;
И самъ, покорный общему закону,
Перемѣнился я. Но здѣсь опять
Минувшее меня объемлетъ живо —
И кажется, вчера еще бродилъ
Я въ этихъ рощахъ.

А его драматическія сцены «Русалка»?

Прелесть этого, можетъ быть, совершеннѣйшаго изъ созданій Пушкина едва ли нарушается даже неоконченностью. Что даль-бы конецъ?

Да развѣ руки Милосской Амфитриты — Венеры или голова Крылатой Побѣды усилили бы для насъ обаяніе этихъ статуй? Анализируя впечатлѣнія, рождаемыя «Русалкой», мы видимъ цѣлую гамму настроеній одного и того же типа: это *воспоминанія*, это — различно ощущаемое княземъ и старымъ ворономъ, русалкой и княгиней, сознание *безвозвратности* пережитаго. Одна изъ сильнѣйшихъ по лиризму пьесъ Пушкина, его «Воспоминаніе» (1828 г.) имѣетъ въ основаніи тоже душевное настроеніе.

Въ бездѣйствіи ночномъ живѣй горять во мнѣ
Змѣи сердечной угрызенья.

Мечты кипятъ; въ умѣ, подавленномъ
тоской,

Тѣснится тяжкихъ думъ избытокъ;

Воспоминаніе безмолвно предо мной

Свой длинный развиваетъ свитокъ;

И съ отвращеніемъ читая жизнь мою,

Я трепещу и проклиная,

И горько жалуясь, и горько слезы лью,

Но строкъ печальныхъ не смываю.

Интересно сравнить эту пьесу, съ написанной въ слѣдующемъ году, когда Пушкинъ послѣ долгой разлуки, зимой 1829 года посѣтилъ опять Царско-сельскій паркъ.

Воспоминаньями смущенный,
Исполненъ сладкою тоской,
Сады прекрасные, подъ сумракъ вашъ свя-
щенный
Вхожу съ поникшею главой.
Такъ отрокъ Библии — безумный расто-
читель,
До капли истощивъ раскаянья фіаль,
Увидѣлъ, наконецъ, родимую обитель,
Главой поникъ и зарыдалъ.

Обратите вниманіе какъ смягчился тонъ «воспо-
минаній»: даже библейскій символъ — уже не тотъ:
вмѣсто мрачныхъ хартій грѣха и ангеловъ съ пла-
меннымъ мечемъ, здѣсь трогательная притча о блуд-
номъ сынѣ.

И долго я блуждалъ, и часто, утомленный,
Раскаяньемъ горя, предчувствуя бѣды,
Я думалъ о тебѣ, пріютъ благословенный,
Воображалъ сіи сады.
Воображалъ сей день счастливый,
Когда средь нихъ возникъ Лицей,
И слышалъ снова шумъ игривый,
И видѣлъ вновь семью друзей.
Вновь нѣжнымъ отрокомъ, то пылкимъ, то
лѣнливымъ,
Мечтанья смутныя въ груди моей тая,
Скитался по лугамъ, по рощамъ молчаливымъ..
Поэтомъ забывался я . . .

Пушкинъ любилъ Царское Село, потому что тамъ
прошло его отрочество и юность, и намъ возразить,

пожалуй, что ранніе годы жизни всегда кажутся розовыми въ воспоминаніяхъ.

Не сказалъ-ли тотъ же Пушкинъ

«Что пройдетъ, то будетъ мило»?

Да, но отчего же Захарово и Москва гораздо рѣже вспоминались Пушкину, и отчего въ стихахъ его нѣтъ совсѣмъ трогательнаго образа материнской ласки, какъ у Гоголя, у гр. Льва Толстого, у Гончарова (вспомните слезу Обломова)?

Отчего, съ другой стороны, царскосельскія воспоминанія такъ тѣсно связаны у Пушкина съ самымъ представленіемъ о творчествѣ?

Въ лицейскихъ пьесахъ, а частью и позднѣйшихъ, у Пушкина мы найдемъ не мало указаній на то, какъ это творчество пряталось по зарослямъ сада, а иногда властно порывалось наружу.

Когда еще не знаемый никѣмъ,

Не зная ни трудовъ, ни цѣли, ни системъ,

(Онъ) пѣньемъ оглашалъ пріютъ забавъ и лѣни

И царскосельскія хранительныя сѣни.

Наблюденіе показываетъ, что процессъ творчества соединялся у Пушкина: или съ грезами «первосонія» (Пушкинское не привившееся слово), или съ лѣсными зарослями гдѣ нибудь около воды.

Вы помните?

Бѣжить онъ дикій и суровый,

И звуковъ, и смятенья полнъ,

На берега пустынныхъ волнъ,

Въ широкошумныя дубравы.

Но еще гораздо ранѣе, въ 1815 году, обращаясь къ своему учителю, Николаю Федоровичу Кошанскому (на поэтическомъ языкѣ — Аристарху), Пушкинъ рисуетъ подобную же картину, только она не идеализирована, она не успѣла еще, такъ сказать, оторваться отъ почвы.

Брожу-ль надъ тихими водами
Въ дубравѣ темной и глухой,
Задумаюсь, взмахну руками,
На рѣчкахъ вдругъ заговорю,
И никого ужъ не морю
Моими тайными стихами.

Интересно, что уже здѣсь, въ Царскомъ Селѣ, природа создавала не только атмосферу для Пушкинскаго творчества, но она позволяла и, можетъ быть, даже звала его провѣрять силу и звучность созданнаго.

Не то-же ли дѣлалъ поэтъ и позже, когда въ Михайловскомъ спугивалъ своими стихами стаи молодыхъ утокъ? Не о томъ-же ли читаемъ и въ «Разговорѣ книгопродавца съ поэтомъ»? (написанъ въ 1824 году и касается южныхъ впечатлѣній).

Въ гармоніи соперникъ мой
Былъ шумъ лѣсовъ, иль вихоръ буйный,
Иль иволги нацѣвъ живой,
Иль ночью моря гуль глухой,
Иль шопоть рѣчки тихоструйной.

Среди прогулокъ по Царскосельскимъ садамъ, куда лицеистовъ лѣтомъ пускали на цѣлые дни,

живая фантазія Пушкина не разъ рисовала себѣ садъ и дворецъ, какими они были, по рассказамъ, раньше, при Императрицѣ Елизаветѣ и при Екатеринѣ II.

Та лужайка на право отъ мраморнаго мостика, куда лицеистовъ водили играть въ мячъ и лапту, и при немъ еще носила названіе «розоваго поля»: въ царствованіе Семирамиды сѣвера тамъ дѣйствительно были розы.

Царскосельскій дворецъ, построенный въ 1744 году графомъ Растрелли, былъ архитектурнымъ чудомъ своего времени. Кто не слыхалъ рассказа о томъ, какъ французскій министръ, маркизь де-ла-Шетарди назвалъ дворецъ Елизаветы драгоцѣнностью, которую бы надо было держать въ футлярѣ. Я склоненъ думать, что на извѣстное изображеніе волшебныхъ садовъ и чертога во второй пѣсни «Руслана и Людмилы» не остались безъ вліянія картины царскосельскаго сада и дворца: только, конечно, переработанная фантазіей, на основаніи преданій о золотой роскоши 18-го вѣка. Это тѣмъ болѣе вѣроятно, что первыя пѣсни «поэмки» были написаны Пушкинымъ еще въ Лицеѣ. Но не надо забывать, конечно, что онъ тогда же читалъ Аріоста, бредилъ Богдановичемъ, и что вообще природа дѣйствовала на него не деталями, а общимъ впечатлѣніемъ, я бы сказалъ музыкой рождаемыхъ настроеній.

Летятъ алмазные фонтаны
Съ веселымъ шумомъ къ облакамъ;
Подъ ними блещутъ истуканы
И, мнится, живы; Фидій самъ,

Питомецъ Феба и Паллады,
Любуясь ими, наконецъ
Свой очарованный рѣзецъ
Изъ рукъ-бы выронилъ съ досады.
Дробясь о мраморны преграды
Жемчужной огненной дугой,
Валятся, плещутъ водопады,
И ручейки въ тѣни лѣсной
Чуть вьются сонною волной.
Пріютъ покоя и прохлады,
Сквозь вѣчну зелень здѣсь и тамъ
Мелькаютъ свѣтлыя беспѣдки,
Повсюду розъ живыя вѣтки
Цветутъ и дышатъ по тропамъ.

Преображенный Царскосельскій садъ мы находимъ и въ одномъ изъ неразгаданныхъ и неконченныхъ стихотвореній 1830 года: оно начертано въ такихъ же простыхъ и строгихъ штрихахъ, какъ позднѣйшіе «Странникъ» и «Анджело», но его величаво мистическій тонъ еще усиливается отъ формы Дантовскихъ терцинъ;

это — «Въ началѣ жизни школу помню я».

И часто я украдкой убѣгалъ
Въ великолѣпный мракъ чужого сада,
Подъ сводъ искусственный порфирныхъ скалъ.

Тамъ нѣжила меня деревъ прохлада;
Я предавалъ мечтамъ свой слабый умъ,
И праздномыслить мнѣ была отрада.

Любилъ я свѣтлыхъ водъ и листьевъ шумъ,
И бѣлые въ тѣни деревъ кумиры,
И въ ликахъ ихъ печать недвижныхъ думъ.

Все мраморные циркули и лиры,
И свитки въ мраморныхъ рукахъ,
И длинныя на ихъ плечахъ порфиры.

III.

Но что же представлялъ изъ себя тотъ Царско-сельскій Лицей, о которомъ Пушкинъ не разъ говорилъ съ любовью, и для котораго позже, въ тяжелые годы Аракчеевскаго режима, его имя, по признанію стараго лицеиста (Грота), обратилось въ спасительный палладіумъ? Это учебное заведеніе возникло въ тяжелое для Россіи время, передъ самой войной, и первые годы наступившихъ послѣ войны перемѣнъ еще застали Пушкина въ Лицеѣ. Тѣмъ не менѣе въ Лицейскомъ уставѣ и его порядкахъ при Пушкинѣ еще вполне чувствовалось

Дней Александровыхъ прекрасное начало.

Казалось, тѣнь Великой монархини, ея высокіе воспитательные завѣты охраняли питомцевъ, которымъ Ея Благословенный Внуку отдалъ часть своихъ царственныхъ покоевъ.

Въ Лицеѣ были уставомъ запрещены тѣлесныя наказанія — черта въ высокой степени замѣчательная; въ интернатѣ не было обычнаго и въ наше время казарменнаго устройства; всѣмъ питомцамъ полага-

лись отдѣльныя комнаты — «кельи», какъ ихъ называлъ Пушкинъ; пансіонскій день распредѣлялся гигиенично: на ученье 7 часовъ, остальное время прогулки, игры, гимнастика. Курсъ былъ общеобразовательный и рассчитанъ только на шесть лѣтъ. Прекрасная бібліотека выписывала всю періодическую печать, и лицеисты читали много и свободно. Профессора аттестовали питомцевъ не цифрами, а отзывами, и еще теперь, благодаря этому, можно видѣть индивидуальныя черты Пушкина и его товарищей въ школьномъ возрастѣ. А гдѣ теперь такіе педагоги и директора, какъ Пушкинскій, — къ сожалѣнію на одинъ лишь годъ Егоръ Антоновичъ Энгельгардтъ, который оставался на всю жизнь другомъ, опекуномъ и предстателемъ за своихъ питомцевъ? правда, и не много ихъ было на первыхъ порахъ, при Пушкинѣ всего тридцать.

Вотъ послушайте, какъ характеризуется лицейская жизнь перваго періода въ письмѣ Илличевского къ бывшему гимназическому товарищу: «Благодаря Богу, у насъ по крайней мѣрѣ царствуетъ съ одной стороны свобода (а свобода дѣло золотое). Нѣтъ скучнаго заведенія сидѣть à ses places; въ классахъ бываемъ недолго: 7 часовъ въ день; большихъ уроковъ не имѣемъ, лѣтомъ досугъ проводимъ въ прогулкѣ, зимою въ чтеніи книгъ, иногда представляемъ театръ, съ начальниками обходимся безъ страха, шутимъ съ ними, смѣемся.» Не правда-ли, что это не походить на выдумку? Но вы замѣтите мнѣ, что въ тѣхъ же письмахъ Илличевского есть указанія и на тѣневую сторону лицейской жизни: ученье

шло не систематично, успѣхи были слабые и во всякомъ случаѣ неравномѣрные: объ этомъ не разъ говорилъ впослѣдствіи и самъ Пушкинъ (напр. въ письмѣ къ брату). Учителя? Я не буду тревожить сегодня тѣней почтеннаго Николая Федоровича Кошанскаго или математика Карцова изъ за непродѣленныхъ параграфовъ латинской грамматики или недоказанныхъ теоремъ, тѣмъ болѣе, что для своего времени и Куницынъ, и Кайдановъ, и Кошанскій, и Карцовъ были люди хорошо образованные, учились и за-границей, писали книги. Поэтъ Батюшковъ когда-то сказалъ про своего молодого соперника Пушкина, что его слѣдовало-бы подольше продержатъ на молочномъ супѣ и логикѣ. Но судьба распорядилась иначе: ей было угодно, чтобы прилежный Кошанскій при Пушкинѣ часто прихварывалъ — и, кажется, бѣлой горячкой; а замѣнявшій его Галичъ, вмѣсто чтенія Горация, велъ съ учениками бесѣды и даже. — о ужасъ! — пилъ въ ихъ кельяхъ гогель-могель.

Но если взглянуть попристальнѣе, то окажется, что воспитаніе Пушкина и его сверстниковъ вовсе не было оставлено въ пренебреженіи, по крайней мѣрѣ, при Энгельгардтѣ. Энгельгардтъ заботился о развитіи въ юношахъ литературныхъ интересовъ и даже поощрялъ писательство; а это было далеко не такъ мелко, какъ можетъ показаться съ перваго взгляда. Вспомните, что самые образованные выдающіеся русскіе люди того времени получали образованіе почти исключительно литературное. —

Въ лицей завелось даже подъ предсѣдательствомъ Энгельгардта литературное общество «лицейскіе друзья полезнаго», и если оно, не получивъ оффиціальной санкціи, должно было черезъ годъ, въ 1822 году, прекратить свое существованіе, то журнально-литературныя традиціи сохранились въ лицей надолго, значить у нихъ былъ здоровый, крѣпкій корень. Во всякомъ случаѣ для Пушкина, а значить и для всѣхъ насъ, его читателей, эта молодая лицейская литература, эта гуманная свобода и дружеское общеніе лицеистовъ съ профессорами сослужили большую службу. Пушкинъ написалъ въ лицей 130 стихотвореній и уже здѣсь приучился серьезно работать надъ отдѣлкой стиха. Товарищъ, который сказалъ о Пушкинѣ очень мало лестныхъ словъ, и тотъ признаеть, что «при всей наружной легкости его прелестныхъ стихотвореній Пушкинъ мучился надъ ними по часамъ и сутками и въ каждомъ почти стихѣ было безчисленное множество помарокъ.»

А кто знаетъ, если бы еще въ лицей Пушкинъ не прошелъ практическаго курса поэзіи и *не пережилъ періода подражаній* (Державину, Жуковскому, Батюшкову и раннимъ французскимъ парнасцамъ), если бы вмѣсто досуга для творческихъ сновъ и вдохновенія и для отдѣлки стиховъ, онъ выучилъ вчетверо больше уроковъ и прослушалъ гораздо больше, по тогдашнему, ученыхъ лекцій, если бы наконецъ у него не было литературныхъ общеній, подстрекающаго соперничества метромановъ — друзей, — удалось-ли бы ему войти въ жизнь уже

сложившимся писателемъ, успѣлъ-ли бы онъ въ короткій срокъ, отмежеванный ему судьбою, создать все то великое и вѣчное, что онъ намъ оставилъ? Не надо забывать и положительныхъ знаній и навыковъ, вынесенныхъ Пушкинымъ изъ лицея: онъ былъ несравненно грамотнѣе Лермонтова, я уже не говорю о Гоголѣ; онъ вышелъ изъ лицея съ порядочнымъ запасомъ свѣдѣній по миеологии и исторіи, по русской литературѣ, и выучился по латыни: по крайней мѣрѣ, на югѣ онъ читаетъ Овидія въ подлинникѣ, а, поступая въ лицей, читалъ Virgilія во французскомъ переводѣ. Положеніе лицея въ обществѣ установилось не сразу. Государь Александръ Павловичъ и вся Царская Семья не разъ удостоивали лицей своими посѣщеніями, лицеистовъ пускали проводить цѣлые дни въ аллеяхъ царскихъ садовъ, но для общества долго, мундиръ лицеиста казался немножко дикимъ. Вотъ что рассказываетъ И. И. Пущинъ, лицейскій сверстникъ и другъ Пушкина о первомъ выпускѣ 1817 года:

«Мы шестеро, намѣченные въ гвардію, были въ лицейскихъ мундирахъ на парадѣ гвардейскаго корпуса. Подъѣзжаетъ къ намъ графъ Милорадовичъ, тогдашній корпусный командиръ, съ вопросомъ, что мы за люди, и какой это мундиръ? Услышавъ нашъ отвѣтъ, онъ нѣсколько задумался и потомъ очень важно сказалъ окружающимъ его: «Да, это не то что университетъ, не то, что кадетскій корпусъ, не семинарія — это лицей.» Поклонился, повернулъ лошадь и ускакалъ.»

Въ дамскихъ устахъ лицю присвоивался тоже не особенно лестный эпитетъ «l'inévitable».

Въ послѣдніе годы пребыванія въ школѣ Пушкинъ сблизился въ Царскомъ съ нѣкоторыми изъ офицеровъ Лейбъ - Гусарскаго полка. Изъ нихъ одинъ, особенно, П. Я. Чаадаевъ имѣлъ на юношу большое вліяніе, сохранившееся потомъ чуть ли не на всю жизнь. Онъ былъ нѣсколько — года на четыре — старше Пушкина, но гораздо его серьезнѣе въ періодъ перваго знакомства. Въ известномъ посланіи съ юга поэтъ связываетъ съ именемъ Чаадаева всѣ лучшія свои воспоминанія о Царскомъ; онъ ставитъ подъ эгиду своего друга и вдохновенный трудъ, и жажду размышленій, и стремленія свои сравнятся съ вѣкомъ по образованію. Я съ почтеніемъ повторяю сегодня имя Чаадаева, потому что Пушкинъ повторялъ его всегда съ любовью. Между лицейскими товарищами Пушкинъ выдѣлялся начитанностью: еще ребенкомъ онъ познакомился въ библиотекѣ отца съ литературой прошлаго вѣка, конечно, французской или той, которую знали и признавали французы, а въ гостиной родителей перевидалъ всѣхъ корифеевъ нашей литературы начала вѣка: и Дмитріева, и Карамзина, и Жуковскаго, и Батюшкова. Но, вѣроятно, не раньше Царскаго Села въ немъ *созрѣла мысль посвятить себя именно писательству*, и нѣкоторыхъ изъ товарищей Пушкинъ, въ связи съ этимъ не разъ воспоминалъ съ благородной признательностью, особенно Дельвига:

Но я уже любилъ рукоплесканья,
Ты, гордый, пѣлъ для музъ и для души,
Свой даръ, какъ жизнь, я тратилъ безъ
вниманья.
Ты гений свой воспитывалъ въ тиши.

Первое изъ стихотвореній Пушкина, напечатанныхъ въ большомъ журналѣ («Другу стихотворцу», въ Вѣстн. Евр. за 1814 годъ), показываетъ, какъ серьезно работала мысль юноши, едва достигшаго 15 лѣтъ, надъ вопросами о судьбѣ писателей, особенно поэтовъ.

Лачужки подъ землей, высоки чердаки —
Вотъ пышны ихъ дворцы, великолѣпны залы.
Катится мимо ихъ фортуны колесо;
Родился нагъ и нагъ вступаетъ въ гробъ
Руссо.

Камоэнсъ съ нищими постелю раздѣляетъ,
Костровъ на чердакѣ безвѣстно умираетъ,
Руками чуждыми могилѣ преданъ онъ.

Эта юношеская пьеса была первой ступеню того «культу страданій поэтовъ и великихъ людей», который прославилъ Пушкина. Конечно судьба, не разъ заставляла и самого Пушкина бросать милыя ему мѣста и порывать дружескія связи: такъ было съ его поспѣшнымъ отъѣздомъ на югъ, и съ обязательнымъ возвращеніемъ въ Михайловское и даже съ препровожденіемъ въ столицу. И сама жизнь могла научить Пушкина страданіямъ поэта. Но было-бы неправильно думать, что, изображая Овидія,

Шенье, Байрона, Пушкинъ проектировалъ на бумагу только свой собственный душевный мѣръ, свои обиды. Люди, которые дѣлали это — Лермонтовъ въ юности, напр. — обыкновенно повторялись. Наблюдения надъ поэзіей Пушкина, наоборотъ, убѣждаютъ насъ въ большомъ разнообразіи даже въ картинахъ личнаго характера. Если онъ хотѣлъ иногда взглянуть прежними глазами, почувствовать себя прежнимъ человѣкомъ, онъ не могъ этого сдѣлать: его *воспоминанія были сознаниемъ чувства невозвратности*: такъ было съ «Воспоминаніемъ въ Царскомъ Селѣ», тоже видимъ въ пьесѣ «Опять на родинѣ». Всякій разъ кисть поэта съ волшебной точностью воспроизводила то, что поэтъ чувствовалъ *теперь*, а не то что переживалъ *прежде*. Съ этимъ связана и поэтическая смѣлость его признаній, и та возвышенная искренность поэта, которая такъ рѣзко отличается и отъ экспансивной, безразличной правдивости ребенка, и отъ холоднаго цинизма «демонической» натуры.

Вспомните его стихи, посвященные памяти Г-жи Ризничъ:

Но недоступная черта межъ нами есть,
Напрасно чувство возбуждалъ я:
Изъ *равнодушныхъ* устъ я слышала смерти
вѣсть,
И *равнодушно* ей внималъ я.

Надо ли говорить о томъ, какъ мало субъективности было у Пушкина въ изображеніяхъ Шенье, Байрона и Овидія, и какъ не похожи одна на дру-

гую эти «потревоженные тѣни»: изнѣженнаго, рано посѣдѣвшаго и безпомощнаго Овидія, который съ блѣдной улыбкой принимаетъ дань наивнаго обожанія скиеовъ; Андре Шенье, этого свѣтлаго жреца поэзіи, оправдавшаго судьбою легенды объ Аріонѣ и Орфеѣ, и Байрона, тоскующаго и гордаго генія бури?

Вообще самопризнанія Пушкина въ поэзіи довольно рѣдки, и надо относиться съ большою осторожностью къ заключеніямъ, которыя дѣлаеть критика о намекахъ его на собственную судьбу: и Моцартъ, и Алеко, и Альберъ, и даже Онѣгинъ, по моему, даютъ очень мало матерьяловъ для Пушкинской біографіи или характеристики. Даже въ лирическихъ пьесахъ мы нерѣдко встрѣчаемъ у него какое-то болѣзненное цѣломудріе чувства, какую-то боязнь выставить передъ толпой свой личный душевный міръ, міръ, въ которомъ Пушкинъ считалъ себя единственнымъ судьей и отвѣтчикомъ.

Возьмите конецъ его «Воспоминанія»:

И нѣтъ отрады мнѣ — и тихо предо мной
Встають два призрака младые,
Двѣ тѣни милыя — два данные судьбой
Мнѣ ангела во дни былые!

Но оба съ крыльями и съ пламеннымъ мечемъ,

И стерегутъ... и мстятъ мнѣ оба...
И оба говорятъ мнѣ мертвымъ языкомъ
О тайнахъ вѣчности и гроба.

Кто изъ читателей, не говорю уже теперешнихъ, но современныхъ пьесѣ (1828 г.), могъ бы усмотрѣть въ библейскомъ образѣ этой строфы какой нибудь личный намекъ, а между тѣмъ Пушкинъ призналъ ее не подлежащей печати.

Вотъ это-то строгое, почти религіозное отношеніе къ творчеству, которое съ такимъ многообразнымъ постоянствомъ повторяется у Пушкина и въ его «Возрожденіи», и въ «Черни», и въ «Поэтѣ», и въ «Пророкѣ» уходитъ корнями еще въ лицейскую почву. Еще со школьной скамьи онъ даетъ Жуковскому торжественный обѣтъ служить поэзіи.

Благослови, поэтъ! Въ тиши парнаасской
сѣни
Я съ трепетомъ склонилъ предъ музами
колѣни...
Страшусь неопытный безславнаго па-
ренья,
Но пылкаго смирить не въ силахъ я
влеченья,
.
Нѣтъ, нѣтъ рѣшился я безъ страха, въ
трудный путь!
Отважной вѣрою исполнилася грудь.
Творцы безсмертные, питомцы вдохно-
венья!
Вы цѣль мнѣ кажете въ туманахъ отда-
ленья;
Лечу къ безвѣстному отважною мечтой,
И, мнится, геній вашъ промчался на-
до мной.

Не чувствуете ли вы, какъ волны чувства поднимаются здѣсь у поэта съ самаго дна души, и какъ имъ тѣсно въ этихъ мѣрныхъ александрійскихъ стихахъ, еще не чуждыхъ налета юношеской реторики?

Въ самой дружбѣ поэтъ, за ея личной интимной стороной, склоненъ былъ видѣть нѣчто высшее, иногда почти мистическое, если ее освящала поэзія, и скрѣпляли мечты о творчествѣ и служеніи прекрасному.

Лучше всего это выразилось въ извѣстныхъ стихахъ «Лицейской годовщины» 1825 года.

Друзья мои, прекрасенъ нашъ союзъ:
Онъ, какъ душа, нераздѣлимъ и вѣченъ,
Неколебимъ, свободенъ и безпеченъ,
Сростался онъ подъ сѣнью дружныхъ музъ.
Куда бы насъ ни бросила судьбина;
И счастье куда бъ ни повело,
Все тѣ же мы: намъ цѣлый міръ — чуж-
бина,
Отечество намъ — Царское Село.

Еще раньше передъ выпускомъ поэтъ видитъ въ дружбѣ какую-то таинственную силу. Вотъ слова, почти пророческія, съ которыми, между прочимъ, обратился онъ къ Пушкину:

Ты вспомни прежнюю любовь,
Мой другъ! Она прошла. Но съ первыми
друзьями
Не рѣвою мечтой союзъ твой заключенъ,

Предъ грознымъ временемъ, предъ грозными
судьбами,

О милый, вѣченъ онъ!

А какъ умѣлъ Пушкинъ привязывать къ себѣ людей! Чѣмъ былъ онъ для своихъ лицейскихъ товарищей потомъ на всю жизнь! Вотъ два свидѣтельства, хотя выборъ ихъ и великъ. Я не говорю о самыхъ близкихъ товарищахъ: ни о Кюхельбекерѣ, ни о Дельвигѣ. Останавливаюсь на Пуцинѣ и Матюшкинѣ. Въ воспоминаніяхъ Пуцина есть рассказъ о его свиданіи съ Пушкинымъ, поразительный по силѣ искренности. Рѣчь идетъ о посѣщеніи Пуцинымъ Михайловскаго; этому свиданію посвящены извѣстныя строчки

... Поэта домъ опальный,
О Пуцинъ мой, ты первый посѣтилъ...

Кто не помнить картины Ге?

Пуцинъ пишетъ:

«Не было силы остановить лошадей у крыльца, протащили мимо и заѣли въ снѣгу нерасчищенного двора. Я оглядываюсь: вижу на крыльцѣ Пушкина, босикомъ, въ одной рубашкѣ, съ поднятыми вверхъ руками. Не нужно говорить, что тогда во мнѣ происходило. Выскакиваю изъ саней, беру его въ охапку и тащу въ комнату. На дворѣ страшный холодъ, но въ иныя минуты человѣкъ не простужается.

Смотримъ другъ на друга, цѣлуемся, молчимъ! Онъ забылъ, что надобно прикрыть наготу я не

думалъ объ заиндевьвшей шубѣ и шапкѣ. Было около 8 часовъ утра. Не знаю, что дѣлалось. Прибѣжавшая старуха застала насъ въ объятіяхъ другъ друга, въ томъ самомъ видѣ, какъ мы попали въ домъ: одинъ почти голый, другой весь забросанный снѣгомъ. Наконецъ пробила слеза (она и теперь черезъ 33 года мѣшаетъ писать въ очкахъ). Мы очнулись. Совѣстно стало передъ этой женщиной, впрочемъ она все поняла. Не знаю, за кого она приняла меня, только ничего не спрашивая, бросилась обнимать. Я тотчасъ догадался, что это добрая его няня, столько разъ имъ воспѣтая, и чуть не задумилъ ее въ объятіяхъ.»

Былъ у Пушкина еще товарищъ по Лицею $\Theta.$ $\Theta.$ Матюшкинъ: этотъ застѣнчивый и молчаливый человекъ, казалось, даже и не стоялъ особенно близко къ Пушкину, но прочтите тѣ строчки, единственныя, которыя онъ еще могъ написать, когда въ Севастополѣ впервые услышалъ о смерти Пушкина, и вы поймете, чѣмъ Пушкинъ былъ для первыхъ лицейстовъ:

«Пушкинъ убить! Яковлевъ! Какъ ты это допустилъ? У какого (сильное слово) поднялась на него рука» Яковлевъ, Яковлевъ! Какъ могъ ты это допустить? Нашъ кругъ рѣдѣеть; пора и намъ убраться...

Беззавѣтность Пушкина въ дружбѣ, особенно лицейской отразилась потомъ на всей его лирикѣ: я не знаю въ мірѣ поэта, у котораго-бы такъ полно было *поэтическое самозавеніе* и *самоотреченіе*,

*

способность цѣликомъ, съ головой уйти въ одно чувство, забывая при этомъ обо всемъ остальномъ.

Чтобы иллюстрировать эту способность Пушкина, я напомню вамъ его «Заклинаніе»:

О, если правда, что въ ночи,
Когда покоятся живые,
И съ неба лунные лучи
Скользятъ на камни гробовые,
О, если правда, что тогда
Пустѣютъ тихія могилы,
Я тѣнь зову, я жду Леилы:
Ко мнѣ, мой другъ, сюда, сюда!

Явись, возлюбленная тѣнь,
Какъ ты была передъ разлукой,
Блѣдна, хладна, какъ зимній день,
Искажена послѣдней мукой.
Приди какъ дальняя звѣзда,
Какъ легкій духъ иль дуновенье,
Иль какъ ужасное видѣнье, —
Мнѣ все равно: сюда, сюда!

Это стихотвореніе характерно именно беззавѣтностью одного чувства, его торжествомъ не только надъ всѣми остальными, но надъ самой формой поэтического выраженія: она стала такъ воздушна, чувство такъ пронизало слова, что намъ кажется, что это говоритъ не поэтъ, а его сердце. Вообще въ беззавѣтности чувства одинъ изъ ключей не только *обаянія* Пушкинской поэзіи, но даже ея *совершенства*.

Второе не менѣе существенное свойство его лирики заключается въ *гуманности*:

Вспомните «Анчара»:

Къ нему и птица не летить,
И тигрь нейдетъ. Лишь вихорь черный
На древо смерти набѣжить
И мчится прочь, уже тлетворный...
Но человѣка человѣкъ
Послалъ къ анчару властнымъ взглядомъ,
И тотъ послушно въ путь потекъ
И къ утру воротился съ ядомъ.

Вспомните какъ въ поэмѣ «Анджело»

.... Изабела.

Душой о грѣшникѣ, какъ ангель, пожалѣла
И предъ властителемъ колѣна преклоня
«Помилуй, государь!» — сказала. «За меня
«Не осуждай его. Онъ (сколько мнѣ извѣстно,
«И какъ я думаю) жилъ праведно и честно,
«Покажѣсть на меня очей не устремилъ.
«Прости же ты его.» И дукъ его простилъ.

Вспомните, наконецъ, оправданіе Наполеона:

Да будетъ омраченъ позоромъ
Тотъ малодушный, кто въ сей день
Безумнымъ возмутить укоромъ
Его развѣнчанную тѣнь!

Гуманность Пушкина была явленіемъ высшаго порядка: она не дразнила воображенія картинами нищеты и страданія, и туманомъ слезъ не завлакивала сознанія: ея источникъ былъ не въ мягко-сердечіи, а въ пониманіи и чувствѣ справедливости.

И гуманность была, конечно, врожденной чертой избранной природы Пушкина. Но, можетъ быть, ея развитію содѣйствовала и обстановка его юности: Лицей, на который падали лучи Царской ласки; и гдѣ Пушкинъ видѣлъ не мало снисхожденія и къ себѣ, и къ своимъ товарищамъ.

Мнѣ остается сказать нѣсколько словъ о второмъ пребываніи Пушкина въ Царскомъ Селѣ, лѣтомъ 1831 года. Онъ только что женился передъ этимъ на Натальѣ Николаевнѣ Гончаровой, и рядомъ съ нимъ, въ Царскомъ же поселился Жуковскій: у Пушкина ожили воспоминанія о свѣтлыхъ дняхъ лица, и къ нимъ прибавились новыя радости и мечты. На досугѣ, отрѣзанный отъ Петербурга холерой, Пушкинъ сталъ перебирать старыя записи сказокъ, сдѣланныя имъ еще въ Михайловскомъ: и вотъ учитель съ ученикомъ начинаютъ взапуски писать сказки въ стихахъ. Жуковскій написалъ тогда Берендея, Пушкинъ — Салтана и Балду.

Судьба хотѣла, чтобы даже первая муза нашего поэта, его дряхлая голубка и «мама», какъ онъ ее называлъ, Арина Родіоновна, была взята изъ нашихъ же мѣстъ, это была крестьянка изъ подъ Суйды, недалеко отъ Гатчины.

Есть старое лицейское преданіе, что еще при Энгельгардтѣ былъ возлѣ лица поставленъ дерновый памятникъ кубической формы съ бѣлой мраморной доской: на доскѣ золотыми буквами вырѣзана была надпись *Genio loci* — т. е. Генію - хра-

нителю. Имя Пушкина какъ-то само собой приурочилось потомъ къ этому мѣстному памятнику, и царскосельскіе лицеисты окружали свой палладіумъ благоговѣніемъ. Прошло безъ малаго 30 лѣтъ, лицей перевели въ Петербургъ, и куда дѣвался памятникъ, я не знаю. Но истинный геній-хранитель нашихъ садовъ не могъ ихъ покинуть, и вчера мы положили первый камень для его царскосельскаго памятника. Подъ рѣзцомъ художника образъ поэта уже воплотился, и скоро, молодой и задумчивый отъ наплыва еще неясныхъ творческихъ мыслей, Пушкинъ снова будетъ глядѣть на свои любимые сады, а мы, любясь имъ, съ нѣжной гордостью повторять:

Онъ между нами жилъ.

Царское Село.

26 мая 1899 года.